

Алексеев Павел Викторович

ОТРАЖЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА 1830-Х ГОДОВ

Целью статьи является реконструкция восточного текста в поэтике и концептосфере творчества А. С. Пушкина в 1830-е годы на материале повести "Кирджали" и лирического цикла "Песни западных славян". Исследуется исторический и литературный контекст восточного вопроса. Рассматривается образ "благородного разбойника" в контексте восточного вопроса. Предлагается принципиально новый взгляд на проблему генезиса "западно-восточного синтеза" в поэтике А. С. Пушкина.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 19-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Получаемые сведения являются достоверными, что подтверждает результаты метода наблюдения за описываемой социолингвистической ситуацией, который мы применяли наряду с интервьюированием информантов. Вместе с тем, метаязыковое сознание является поставщиком данных лишь о наиболее «ярких» для обывателя точках взаимодействия языка и социума, и потому моделирование социолингвистической ситуации по данным метаязыкового сознания представляется целесообразным при первичном описании «малого» языка.

Список литературы

1. **Александровский район** [Электронный ресурс]. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Александровский_район_\(Томская_область\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Александровский_район_(Томская_область)) (дата обращения: 29.11.2013).
2. **Жирмунский В. М.** Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Л., 1929. Вып. 3. С. 179-220.
3. **Кибрик А. Е.** Полевая лингвистика [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/POLEVAYA_LINGVISTIKA.html?page=0,1 (дата обращения: 29.11.2013).
4. **Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты:** коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2012. Ч. IV. 482 с.
5. **Deminger S.** Spracherhalt und Sprachverlust in einer Sprachinselsituation: Sprache und Identität bei der deutschen Minderheit in Ungarn. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2004. S. 28-29.
6. **Eichinger L. M., Stickel G., Plewnia A.** Sprache und Einstellungen: Spracheinstellungen aus sprachwissenschaftlicher und sozialpsychologischer Perspektive. Tübingen: Narr, 2012. 321 S.

**MODELLING OF SOCIOLINGUISTIC SITUATION OF "MINOR" LANGUAGE
ACCORDING TO DATA OF ORDINARY METALINGUISTIC CONSCIOUSNESS**

Aleksandrov Oleg Anatol'evich, Ph. D. in Philology
Tomsk Polytechnic University
aleksandrov@tpu.ru

Andreeva Ol'ga Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Tomsk State Pedagogical University
andrejewal88@sibmail.com

The proposed article demonstrates the results of field expeditions realized on the territory of Tomsk Region with the purpose of investigation of metalinguistic consciousness of the Russian Germans. The research works out the source study aspect based on the multimethodological principle of modern linguistics: by the combination of qualitative and quantitative methods of field data collection, the ordinary metalinguistic reflection of informants as the source for primary sociolinguistic parameterization of "minor" language is considered. The work will be interesting for the representatives of such linguistic disciplines as field and "naive" linguistics, dialectology and ecolinguistics.

Key words and phrases: methods of field linguistics; naive linguistics; national German dialectology; metalinguistic consciousness of bilinguals; source study aspect.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Целью статьи является реконструкция восточного текста в поэтике и концептосфере творчества А. С. Пушкина в 1830-е годы на материале повести «Кирджали» и лирического цикла «Песни западных славян». Исследуется исторический и литературный контекст восточного вопроса. Рассматривается образ «благородного разбойника» в контексте восточного вопроса. Предлагается принципиально новый взгляд на проблему генезиса «западно-восточного синтеза» в поэтике А. С. Пушкина.

Ключевые слова и фразы: А. С. Пушкин; восточный вопрос; ориентализм; западно-восточный синтез; греческое восстание; восточная тирания.

Алексеев Павел Викторович, к. филол. н., доцент
Томский государственный университет
conceprtia@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА 1830-Х ГОДОВ[©]

*Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-34-01331 а2
«Мифологема мусульманского востока в русском романтизме».*

Кризис Османской империи, который, как принято считать, начался после поражения турецких войск под Веной в 1683 году, положил начало т.н. «восточному вопросу» – комплексу международных конфликтов между Россией и колониальными державами Западной Европы за установление контроля над «святыми

местами» и территориями, находящимися под турецким игом [13, р. 16]. Во второй половине XVIII и, особенно, в первой половине XIX века основным дипломатическим игроком, претендующим на наследство Порты стала Российская империя. Идеологические войны «большой игры» разворачивались не только в кабинетах монархов, европейских парламентах и константинопольской Пере, но и на страницах журналов, в личной переписке, в описаниях многочисленных путешествий и в художественной литературе. В итоге, был сформирован мультязыковый дискурс «восточного вопроса», в пределах которого развивались концепты «Москвы как третьего Рима» [4, с. 211], «Восточной Европы», «русского пути», «западно-восточного синтеза» и др., без которых немислим генезис русской национальной идентичности.

В творчестве А. С. Пушкина восточный вопрос актуализируется как литературный отклик на современные политические события – борьбу за независимость балканских народов от Османской империи и, в основе своей, является проблемой выработки индивидуальной авторской позиции. Парадигма восточного вопроса Пушкина весьма широка и включает в себя такие тексты, как «Восстань, о Греция» (1829), «Гречанка верная! Не плачь...» (1821), «Свободы сеятель пустынный...» (1823), «К морю» (1824), «Кавказский пленник» (1822), «Капитанская дочка» (1836), «История Пугачева» (1834), «Полтава» (1828), «Материалы к Истории Петра» (1836), «Сказка о золотом петушке» (1834), «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» (1835) и др.

Вопрос о том, какие тексты и в какой мере отразили эволюцию восточного вопроса в поэтике А. С. Пушкина, не становился предметом специального монографического исследования: эта тема до сих пор незаслуженно игнорируется. Кроме того, пушкинисты не всегда осознают взаимосвязь лирических «восточных мотивов» и политического восточного вопроса: складывается двусмысленная картина одновременного восхищения Востоком, доходящего до «протеизма» («Подражания Корану», «Пророк»), и призыва покорить и деисламиривать Кавказ («Кавказский пленник», «Путешествие в Арзрум») и Константинополь («Олегов щит», 1829). На наш взгляд, это противоречие чисто диалектического характера, свидетельствующее о глубине и сложности «восточного текста» Пушкина.

Рассмотрим два произведения Пушкина, в которых проблема свободы балканских народов представлена эксплицитно: повесть «Кирджали» (1834) и лирический цикл «Песни западных славян» (1833-1835). На основе историко-биографического и литературного контекста проанализируем специфику осмысления Пушкиным восточного вопроса. Прежде всего, обозначим несколько исходных мыслей о восточном тексте Пушкина, в рамках которого «Кирджали» и «Песни западных славян» могут быть рассмотрены элементами единой системы.

Во-первых, именно в контексте восточного вопроса происходило развитие концепции тирании в творческом сознании Пушкина (после 1825 года она будет усложнена контекстом декабризма), а также формировались культурологические черты его политической оппозиционности. Во-вторых, сочувствие Пушкина национально-освободительным движениям не выводило его поэтику за рамки ориентализма – стиля мышления, основанного на представлении о доминирующем положении западноевропейской культуры над прочими (балканские народы рассматривались Западной Европой в категории «Orient» [14, р. 11]). И, наконец, в-третьих, размышления Пушкина о всемирном значении русской истории и культуры послужили одним из факторов, определивших его движение к эпосу и универсализму («всеотзывчивости»).

Изначально восточный вопрос в поэтике Пушкина возникает в связи с повстанческим движением, которому он стал свидетелем в 1821 г. в Кишиневе. Пушкин активно включается в обсуждение этих событий, постоянно бывает в домах заговорщиков, активно ведет дневник (впоследствии уничтоженный из опасения обысков в 1825 году), выражает свою точку зрения в письмах друзьям и родным (Л. С. Пушкину, В. Л. Давыдову, С. И. Тургеневу и др.), пишет записки на французском языке о выдающихся личностях гетерии – «Note sur la révolution d'Ipsylanti» (1821) и «Note sur Penda-Déka» (1821). Питая свой информационный голод, в основном, слухами и противоречивой информацией, распространяемой молдаванами, румынами и греками, Пушкин воспринимал себя в гуще важнейших исторических событий, которые имеют непосредственное отношение к будущему России. Во-первых, торжество славянского братства под эгидой России поднимало ее, как минимум, на уровень европейских колониальных империй. Во-вторых, восстание фанариотов против гнета турок (А. Ипсиланти) и восстание румынских крестьян и пандуров против гнета турецких ставленников – фанариотов (Т. Владимиреску) в глазах не особенно разбиравшихся в этих противоречиях русских дворян было культурологически распространено на Россию, где формировались либеральные надежды будущих декабристов.

Вскоре, после того, как турки навели порядок на восставших землях, у Пушкина наступило разочарование не только в гетеристах, но и в самой «байронически» жертвенной идее помочь грекам обрести свое былое величие. В письме к П. А. Вяземскому из Одессы в 1824 году Пушкин заявляет: «Греция мне огадила. О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братьи негров, можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией – это непростительное ребячество. Иезуиты натоковали нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавошников, есть законнорожденный их потомок, и наследник их школьной славы» [8, с. 99].

После таких слов можно подумать, что восточный вопрос, как «непростительное ребячество» в творчестве Пушкина, должен быть закрыт, но в 1832 году в Константинополе происходит важное историческое событие – турки официально признают независимость Греции, что является прямым следствием русской победы над турками и заключением в 1829 году Адрианопольского мирного договора. Для Пушкина важность этого события, несомненно, приобретало ценность биографическую: если в 1821 году на его глазах разыгрывается драма греческих и молдавских инсургентов, то в 1829 году Пушкин непосредственно наблюдает торжество европейской цивилизации над «варварской» Турцией. Политический восточный вопрос вновь был поставлен в основу его размышлений о цивилизационной роли России, а также о проблеме «внутреннего

Востока» – в связи с категорическим неприятием русского деспотизма, как явления, с точки зрения Пушкина, генетически азиатского, что нашло отражение в написанном в 1835 году «Путешествии в Арзрум». Только намерением систематической дискредитации непоследовательных и «азиатских» методов российской колониальной политики можно объяснить возвращение Пушкина к проблематике восточного вопроса в период 1830-х годов после арзрумского путешествия.

Культурологический характер размышлений Пушкина о Востоке в 1830-е годы может быть реконструирован, в том числе, по его публицистической и переводческой деятельности. Например, если рассматривать план его неосуществленной статьи «De la civilisation» («О цивилизации», 1833) в контексте восточного вопроса (это допустимо с учетом того, что понятия «цивилизации» и «цивилизованности» в европейской культуре XIX века развивались в дискурсе ориентализма), обращает на себя внимание, что центральное содержание материала должно было группироваться в следующей последовательности: De l'escl.<avage> – De la religion. – Du militaire et du civil. – De l'espionnage. – De l'escl.<avage> et de la lib.<erté> (Comme balance). – De la censure / О рабстве. – О вере. – О военном и гражданском состояниях. – О шпионстве. – О рабстве и свободе (как противовес). – О цензуре [7, с. 209], одним словом, вокруг бинарной оппозиции «свобода – рабство». В плане переводческой деятельности следует указать французскую книгу «Mémoires politiques, amusants et satiriques de messire J.N.D.B.C, de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, à Veritopolis chez Jean Disant-vrai» (1716), к которой Пушкин обратился в 1835 году, переведя эпизод, непосредственно касающийся русско-турецкой войны в эпоху Петра I, и озаглавив его «Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 года)». Нет никаких сомнений в том, что мемуары Моро-де-Бразе рассматривались Пушкиным в контексте «Путешествия в Арзрум», «Кирджали», «Истории Петра», «Песен западных славян» и др., восходящих к проблематике восточного вопроса.

В лирических текстах «Песен западных славян» восточный вопрос осмысливается через призму личной трагедии: в кошмарном сне-видении боснийский король видит своего брата в чалме, склонившегося перед султаном, и тот приказывает дать ему кафтан из свежесодранной шкуры короля («Видение короля»); Радивой пошел «воевать бусурманов» и, в результате предательства далматов, погиб, лишившись головы («Битва у Зеницы-Великой»); Марко оказывает последнюю честь умирающему воину, который три дня носит в себе «бусурмана свинцовую пулю», но оказывается, что «бусурманская» пуля отравила душу христианина, превратив его в могучего вампира («Марко Якубович»); сербский воевода призывает мужчин восстать против янычар, обзывая единоверцев «цыганами» и «старухами» («Воевода Милош»); и, наконец, на вопрос воина о том, чем конь так обеспокоен, тот пророчествует о победе врага: «От того мой дух и ноет, / Что наместо чапрака / Кожей он твоей покроет / Мне вспотевшие бока» («Конь») [9, с. 417].

Кольцевая композиция текста формируется образом кожи, содранной мусульманином-турком с христианина-илирийца. Таким образом, следует решительно отказаться от представлений, что главной темой «Песен» является исключительно фольклор, как было принято утверждать ранее [1, с. 169]. Основной темой «Песен», в контексте восточного вопроса, является проблема личностного осмысления свободы и национальной независимости (национальной гордости), поднимающаяся от индивидуальной трагедии к необходимым философским обобщениям. Жизнь человека обретает значимость историческую.

Мотив смерти конструирует структурное единство лирического цикла: «главное, от чего свободны герои, – это страх смерти, и своей, и чужой. <...> По сути, истории героев – преимущественно истории их смертей, в большинстве песен смерть героя оказывается центральным событием, о герое помнят, потому что помнят, как он умер» [11, с. 321]. К этому необходимо добавить, что смерть в «Песнях» принимается с фаталистическим спокойствием, что может быть проанализировано как способ пушкинской ориентализации пространства «Восточной Европы». И, если П. Мериме признавался, что, создавая свои псевдославянские песни, просто «хотел посмеяться над —~~м~~стным колоритом», в который мы слепо ударились в лето от рождества Христова 1827» [9, с. 741], то, публикуя это признание в «Стихотворениях» 1835 года, Пушкин публично дистанцировался как от западноевропейского романтического контекста, так и от исключительно фольклорного толкования цикла. Мысль о том, что «Песни», независимо от того, насколько достоверным являлся положенный в их основу источник, являются поэтической репликой в дискурсе восточного вопроса, была не вполне понята современниками, о чем, в частности, свидетельствует отрицательный отзыв В. Г. Белинского.

Повесть «Кирджали», написанная осенью 1834 г., напрямую связана с концептосферой «Песен западных славян». Несмотря на существовавшие разночтения, доказано, что прототипом Кирджали была реальная историческая личность, один из активнейших гетеристов, который «жил в Молдавии и пойман был там именно в период пребывания в Молдавии Пушкина (1820-1823)» [12, с. 334]. Болгарин Егорий, или Георгий, Кирджали доставлял немало хлопот, как туркам, так и российским властям, так что вполне вероятно, что этот «народный мститель» заинтересовал Пушкина в рамках концепций личностной свободы и деятельного сопротивления тирании (как османской, так и российской). Вероятно, изначально Пушкин планировал написать стихотворную поэму о Кирджали, о чем говорит явно незаконченный набросок, известный как «Кирджали» («В степях зеленых Буджака», 1828). В этом стихотворении обращает на себя внимание мысль, которая эксплицитно отсутствует в повести 1834 года, но имеет прямое отношение к ее тираноборческому пафосу: болгары живут здесь в беспечной дикости, в то время как крупные державы (судя по всему, Россия, Порта и Западная Европа) «грозно правят их судьбой» [10, с. 114].

Образ болгарского разбойника сформирован повествователем с явной симпатией, противопоставляясь образам предводителей гетерии – Александра Ипсиланти и Георгия Кантакузина. Если в письмах 1821-1823 гг. гетеристы подвергнуты романтической героизации и вызывают живое сочувствие Пушкина, то в повести

«Кирджали» фанариоты показаны крайне негативно: Ипсиланти трусливо «ускакал к границам Австрии» [6, с. 255], а Кантакузин, в чьем отряде сражался Кирджали, накануне решающего сражения 17 июня 1821 года оставил своих людей без руководства, попросившись у русских властей отсидеться в карантине. Таким образом, в повести «Кирджали» разбойники и убийцы оказываются единственной благородной силой антитурецкого восстания. Сходная мысль скрыта и в образе Карагеоргия, типичного гайдука, который убивает отца, противящегося освободительной борьбе сербов с турками.

Большого внимания в повести заслуживает образ русского правительства, конструируемый Пушкиным по законам «двойной структурности», характерной для большинства его произведений, содержащих политические темы. Критика правительства скрыта за демонстративно спокойным и документальным тоном повествователя, какой Пушкин позднее использует в «Путешествии в Арзрум». Так, повествователь упоминает о том, что после разгромного сражения под Скулянами, остаткам повстанцев было разрешено спастись в карантине: «Все было кончено. <...> Около шестисот арнаутов рассыпались по Бессарабии; не ведая, чем себя прокормить, они все ж были благодарны России за ее покровительство» [Там же, с. 256]. Читатели 1830-х годов отлично поняли эту иронию, зная, что греческое восстание в Молдавии и Валахии начиналось с убежденной пропаганды Ипсиланти, одетого в русскую военную форму и обещавшего военно-политическую поддержку России.

В действительности события развивались прямо противоположно. Пушкин описывает сражение под Скулянами не как бой, а как бойню: «Вообразите себе семьсот человек арнаутов, албанцев, греков, болгар и всякого сброду, не имеющих понятия о военном искусстве и отступающих в виду пятнадцати тысяч турецкой конницы. Этот отряд прижался к берегу Прута и выставил перед собою две маленькие пушечки, найденные в Яссах на дворе господаря и из которых, бывало, палили во время именинных обедов» [Там же]. Размышляя о роли России в этом конфликте, Пушкин формирует трагикомический дискурс: турки настолько боятся России, что вынуждены резать повстанцев ятаганами, не смея «без позволения русского начальства» использовать картечь. Когда случайные пули все-таки просвистели на русском берегу Прута, старичок, начальник карантина, «ужасно рассердился и разбралил за то майора Охотского пехотного полка, находившегося при карантине. Майор, не зная, что делать, побежал к реке, за которой гарцевали делибаши, и погрозил им пальцем. Делибаши, увидя это, повернулись и ускакали, а за ними и весь турецкий отряд» [Там же].

Пушкин подчеркивает, что Россия имела и полное право, и хорошую возможность участвовать в освобождении христианских народов. Однако правительство не только не оказало даже моральной поддержки повстанцам, прекрасно, вопреки официальным заявлениям, зная о готовящемся восстании [3, с. 23], но и впоследствии охотно выдавало туркам их «военных преступников». В повести Пушкин упоминает о том, что русская полиция по первому требованию ясского паши арестовала Кирджали, и усиливает драматизм «русского предательства» монологом разбойника, который при аресте не стал скрывать свое имя и с благородством ожидал своей участи: «Для турков, для молдаван, для валахов я, конечно, разбойник, но для русских я гость. <...> За что же теперь русские выдают меня моим врагам?» [6, с. 257].

Образ благородного разбойника (Карагеоргия, Кирджали) был не нов для Пушкина, годом ранее он активно работал над романом «Дубровский», среди литературных источников главного героя которого называются авантюрные персонажи В. Скотта, Ж. Санд, Ш. Нодье, Ж. Ж. Руссо и П. Кальдерона [2, с. 125]. Для нас крайне важно понять, что «Дубровский» и «Кирджали», несмотря на различие поэтик, принадлежат одному дискурсу противодействия восточной тирании. Кроме того, как заметила О. С. Муравьева, образы благородных разбойников входят в круг проблем, особенно важных для Пушкина в 1830-е годы. В частности, в основу драматического конфликта повести «Капитанская дочка» положена мысль «о том, как политические и социальные разногласия, разводя людей по враждующим сторонам, рожают непримиримость и жестокое» [5, с. 161].

Повесть «Кирджали» заканчивается описанием хитроумного бегства разбойника из турецкого плена, и повествователь задается вопросом, семантически близким вопросу из «Путешествия в Арзрум» («Что делать с таковым народом?») – «каков Кирджали?» [6, с. 260]. Однако вдумчивый читатель декабрьского номера «Библиотеки для чтения» должен был опознать это лукавство и задаться вопросом: «какова Россия?», со времен Екатерины II строившая планы «греческого проекта», победоносно подписавшая Ясский мирный договор в 1791 году, по которому Порты навсегда уступила Крым, кубанских татар и Тамань, но в 1821 году предательски оставившая своих единоверцев под турецким игом в угоду политической конъюнктуры.

Таким образом, можно утверждать, что восточный вопрос, связанный с борьбой за независимость балканских народов, формирует глубокий и многоплановый идеологический фундамент «восточного текста» Пушкина, отражаясь в его эпистолярном наследии, исторических изысканиях, переводах и художественных произведениях лирических и эпических жанров. Ориентализованные персонажи «Песен западных славян» и болгарский разбойник Кирджали приобретают амбивалентную семиотическую ценность в связи с тем, что восточный вопрос в 1830-е годы осмысливается Пушкиными биографически через призму личности русского человека, включенную в большой исторический процесс.

Список литературы

1. Азадовский М. К. Пушкин и фольклор // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Вып. 3. С. 152-182.
2. Багно В. Е. К литературным источникам «Дубровского»: (Драма Кальдерона «Поклонение кресту») // Временник Пушкинской комиссии, 1979. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1982. С. 124-131.
3. Двойченко-Маркова Е. М. Заметки о Пушкине и беженцах этерии в Кишиневе // Временник Пушкинской комиссии, 1973. Л.: Ленингр. отделение, 1975. С. 20-35.

4. Зайончковский А. М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2-х т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908. Т. 1. 1382 с.
5. Муравьева О. С. Из наблюдений над «Песнями западных славян» // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Ленингр. отделение, 1983. Т. 11. С. 149-163.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17-ти т. М.: Воскресение, 1995. Т. 8. Кн. 1. 496 с.
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17-ти т. М.: Воскресение, 1996. Т. 12. 588 с.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17-ти т. М.: Воскресение, 1996. Т. 13. 684 с.
9. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 2. 799 с.
10. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 3. 539 с.
11. Свенцицкая Э. «Песни западных славян» Пушкина как художественное единство // Вопросы литературы. 2001. № 1. С. 319-329.
12. Трубецкой Б. Новые архивные материалы о Кирджали // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 333-337.
13. Šedivý M. Metternich, the Great Powers and the Eastern Question. Pilsen: Univ. of West Bohemia, 2013. 1033 p.
14. Todorova M. Imagining the Balkans. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2009. 273 p.

REPRESENTATION OF EASTERN PROBLEM IN THE CREATIVE WORK OF A. S. PUSHKIN OF THE 1830S

Alekseev Pavel Viktorovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk State University
conceptia@mail.ru

The article is aimed at the reconstruction of eastern text in the poetics and conceptual sphere of the creative work of A. S. Pushkin in the 1830s by the material of the story «Kirdjali» and lyrical cycle «Songs of the Western Slavs». The author investigates historical and literary context of the eastern problem, analyzes the image of «the noble robber» in the context of the eastern problem, suggesting a cardinaly different view on the problem of genesis of «eastern-western synthesis» in the poetics of A. S. Pushkin.

Key words and phrases: A. S. Pushkin; eastern problem; orientalism; «eastern-western synthesis»; Greek rebellion; eastern tyranny.

УДК 811.512.157

Филологические науки

В статье приводятся результаты анализа этимологии, словарных дефиниций, лексической, семантической, фразеологической и синтаксической сочетаемости якутского слова «сир» – земля. Выделяются основные и дополнительные признаки значения слова, формирующие представление о земле по данным языка. Кумулятивное свойство значения, синтагматические связи языковых репрезентантов способствуют воссозданию концептуального образа мира.

Ключевые слова и фразы: лексическое значение; синтагматические связи; словосочетание; сочетаемость; способ концептуализации.

Афанасьева Евдокия Николаевна, к. филол. н.
Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного федерального
университета имени М. К. Аммосова в г. Мирном
lukow@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЯКУТСКОГО СЛОВА «СИР»)[©]

У многих народов концепция мира представлена мифопоэтическим образом мирового дерева. В германском эпосе «Старшая Эдда» земля людей Мидгард (дс. Middilgard *среднее жилище*) является одним из трех составляющих мироздания, представленного в виде дерева Иггдрасиль, верхнюю часть которого занимают боги Асы (Асгард), а в нижней находится царство мертвых Хель [1, с. 17-18]: «Три корня растут / На три стороны / У ясеня Иггдрасиль: / Хель под одним, / Под другим исполины / И люди под третьим» [Там же, с. 213]. Мифологический архетип мирового дерева распространен во многих культурах Европы и Азии (древо жизни в славянской мифологии, нартовское дерево в осетинской мифологии и др.). Вселенная у тюркских и тунгусо-маньчжурских народов состоит из трех сфер: небесной, земной и подземной. Согласно якутской мифологии в трехъярусной структуре вселенной земля занимает среднее положение, над ней расположен верхний мир, внизу – нижний мир. Дух, хозяйка земли Аан Алахчын Хотун представляется в виде благородной пожилой женщины, обитающей на священном дереве Аал Луук Мас. Жизнь на земле зависит от расположения небесных